

В нью-йоркском Музее Соломона Гуггенхайма открылась выставка
«Казимир Малевич. Супрематизм»

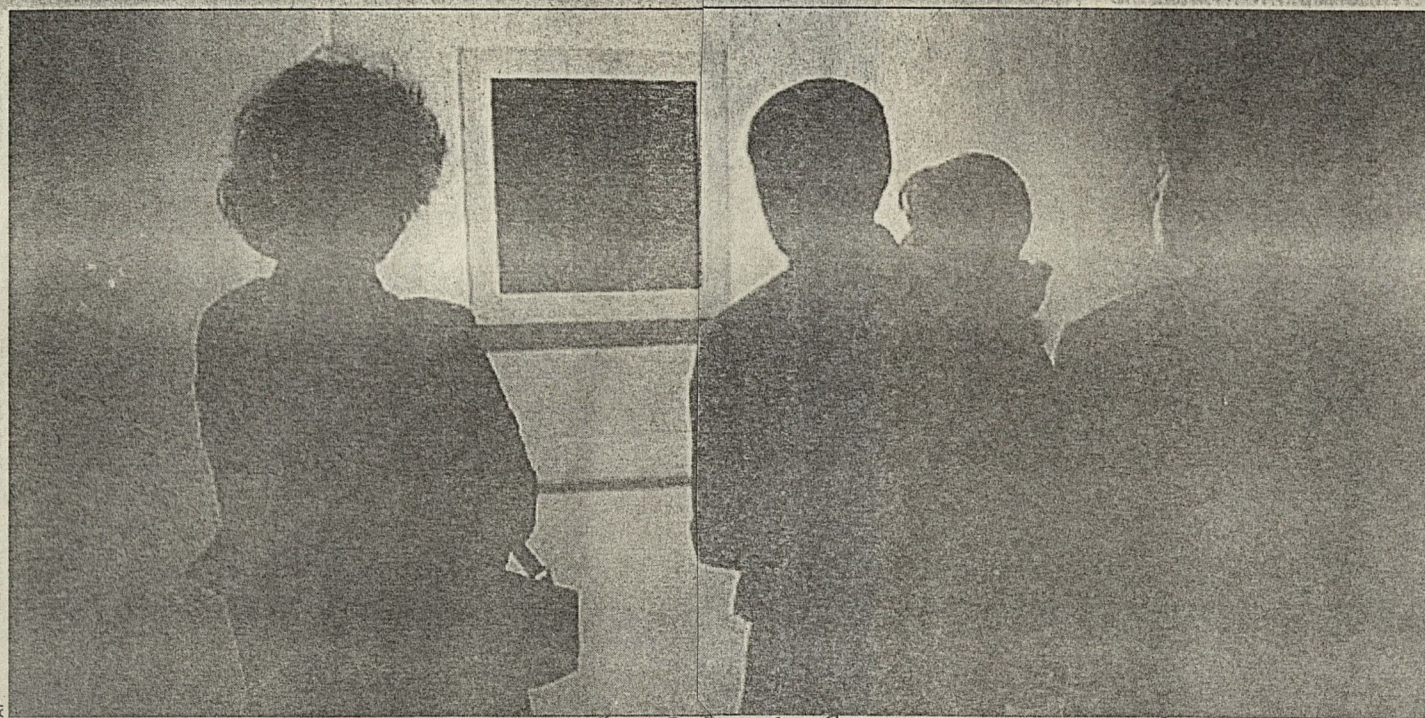
Свет черной геометрии

Собранная из нескольких музеев мира выставка отца-основателя русского авангарда не велика, но значительна. Малевич представлен в ней не столько как художник — а его пластическое дарование не вызывает сомнений, — сколько как философ, мистик и проповедник религии собственного изобретения. А в этой своей ипостаси он как раз и уязвим для носителей современного сознания, которое решительно разделяет искусство и религию. Но выставка в Музее Гуггенхайма все равно производит сильнейшее впечатление.

Ольга КАБАНОВА

Черный прямоугольник, черный крест и черный круг — вид трех классических композиций Малевича, встречающих зрителей, поднявшихся по знаменитому пандусу классического здания Музея Соломона Гуггенхайма, построенного по гениальному проекту Фрэнка Ллойда Райта, ошарашивает даже подготовленного зрителя. Но когда за этими тремя простыми геометрическими фигурами видишь еще и черный квадрат, накатывает просто какой-то ужас. За последние полтора десятилетия Малевича показывали много, и я его видела, но, признаюсь, никогда на его выставках не испытывала такого серьезного чувства. Просто удар мрака какой-то.

В таком эффектном сочетании четыре черных шедевра Малевича были собраны только в 1927 году на выставке в Берлине. Правда, квадрат тогда был не тот, а авторская копия, написанная художником специально к случаю. Теперь прямоугольник и круг пред-

От «Черного квадрата» Малевича темнеет все вокруг *Известия — 2003 — 14 мая — с. 13.*

ставила на выставку кельнская галерея Гмужинской, крест прибыл из парижского Центра Помпиду, а черный квадрат — из Третьяковки (генеральным спонсором выставки с российской стороны был Альфа-банк). Собрать их вместе было чрезвычайно сложно, но ради такого зрительского эффекта люди, работающие в музеях, готовы прилагать огромные усилия.

Из Третьяковки «Черный квадрат» выдали с большими сомнениями (об этом «Известия» писали в номере от 5 мая). На берлинской выставке «Казимир Малевич. Супрематизм», предшествовавшей нью-йоркской, его не было. Но после долгих раздумий — решились. О природе этой решительности и о

многих нехудожественных особенностях выставки, которые интересны, я обещаю рассказать в ближайших номерах. Скажу только, что главный хранитель Третьяковской галереи Екатерина Селезнева, демонстрируя журналистам «Черный квадрат», спрятанный в специальную кассету (вторая рама под стеклом — киот для иконы авангарда), уверяла, что каждая его трещинка многие годы сохраняется неизменной — все разрушения крепко законсервированы.

Кроме мрачных черных геометрических фигур на выставке собран и другой супрематический Малевич. Есть белый на белом — например, тот «Белый крест» из Стейдлик-музея, который худож-

ник Александр Бренер осквернил знаком доллара. Все кончилось хорошо — картина отлично отреставрирована, художник из тюрьмы вышел. Есть позитивные и жизнерадостные многоцветные супрематические «динамические» композиции. Есть «Красный круг» (тоже из галереи Гмужинской). Есть наброски и почеркушки. И даже изящная черная загогулина («Супрематизм. № 55»), словно брошенная на холст рукой мудрого японского каллиграфа, а не русского художественного революционера, мнящего себя новым пророком (из японского, между прочим, музея).

Нет, правда, ни ранней, ни поздней фигуративной живописи,

нет и супрематических фигур. На мой вопрос — почему, ведь они очень эффектны, куратор выставки Мэтью Тратт гордо ответил, что ничто не должно отвлекать зрителя от главного сюжета — супрематизма.

Мэтью Тратт, произнося вступительную речь на открытии выставки, долго рассказывал, как в детстве впервые увидел книгу о русском авангарде и что Малевич важнее Мондриана, потому что он не рационалист, а мистик. Директор Музея Гуггенхайма Томас Кренц в своем вступительном слове долго и монотонно, как пономарь, благодарил всех, кто принимал участие в создании выставки, но в конце вдруг признался, что он

мечтал сделать ее — такую — с тех пор, как стал работать в музее.

Личные интонации в формально-деловых речах понятны. Слишком сильно действует малевичевская мрачная геометрическая поэзия, или эпитафия живописи, или тягостное предреволюционное пророчество — называйте как угодно — на тех, кто с ними сталкивается. Ничто, абсолютный ноль, бездна, которую хотел обозначить Малевич своим «Черным квадратом», задевает даже людей со слабо развитым воображением. А среди тех, кто занимается искусством, таких мало. И как показывает почти вековой опыт жизни малевичевской геометрии пустоты, как ни относиться к этим знакам на холсте — они все время в центре внимания. Почему — не объяснить. Но многие пытаются. Если не объяснить, то доказать.

Главные черные метки в истории мировой живописи — круг, квадрат, крест и прямоугольник, писанные черным по белому рукой Казимира Малевича, — собранные вместе, производят сильнейшее воздействие. Они зияют перед зрителем как разрытая могила, как знак неизбежности. Это должна была доказать выставка «Казимир Малевич. Супрематизм» в Музее Соломона Гуггенхайма. И доказала.

P.S. После вернисажа состоялась встреча российских журналистов с Томасом Кренцем, рассказавшим им об общей стратегии развития Музея Гуггенхайма. Вскоре собрался и совет директоров, обсудивший перспективы программы «Большой Эрмитаж». С российской стороны в нем принял участие член Совета попечителей музея Владимир Потанин. Читайте об этом в одном из ближайших номеров «Известий».

Нью-Йорк

Малевич Казимир